

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

КИСЛЕВ - ТЕВЕТ 5776

ПЕТРОЗАВОДСК
N 209

ДЕКАБРЬ 2015

Месяц освобождения сокровенного

Девятый месяц еврейского календаря, носит название Кислев, происходящее, очевидно, от слова кисло («вера», «упование»), которое можно встретить в книге Ййова (8:14). Учителя Каббалы говорят о двух формах веры и упования: пассивной и активной. Месяц Кислев, время празднования Хануки, они связывают как с активной, деятельной верой, с упованием, выраженным в действии, так и с пассивной, умиротворенной верой, уподобленной предрассветному сну.

Обычно говорят, что Кислев беден праздниками: только Хануку отмечают в нем, да и это празднование Кислев «разделил» с Теветом.

Но в истории хасидизма этот месяц не просто богат, он называется «месяцем дарования Скрытой Торы». В девятнадцатый день этого месяца хасиды (а с ними и все желающие) празднуют хасидский Новый год в память об освобождении из тюрьмы рабби Шнеура-Залмана, основателя Хабада.

Два столетия назад по доносу противников хасидизма, Алтер Ребе был заключен в тюрьму. Его обвиняли в государственной измене, и помещен он был в одну из одиночек Петропавловской крепости. Время было крутое, надеяться на государеву милость не приходилось. Девятнадцатого Кислева, когда Ребе читал книгу Псалмов и дошел в ней до стиха «Искупил с миром душу мою в битве...», двери камеры открылись, и, полностью оправданный, Ребе вышел на свободу.

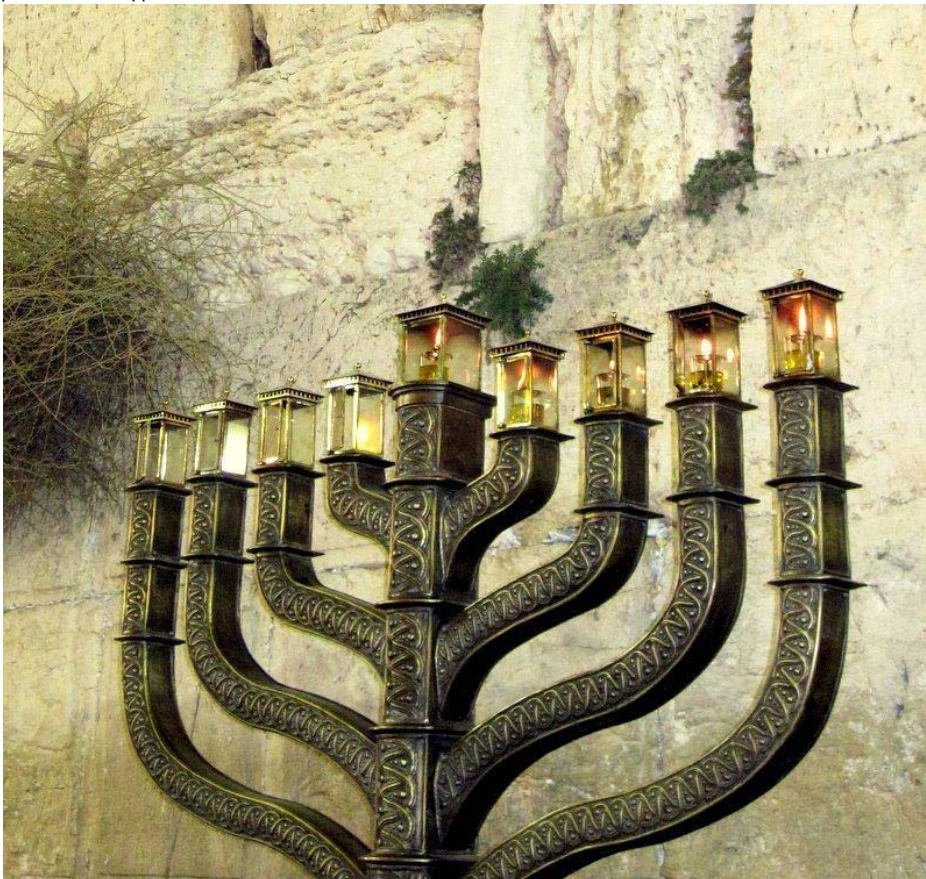
Он воспринял это событие не только как личное избавление, но и как знак Свыше, возвещающий, что Всевышний желает дальнейшего распространения нового учения, раскрытия Сокровенной Торы своему народу.

«Дела отцов - знак детям», - говорит Мидраш. В каждом еврейском празднике заключена не только историческая память, но и актуальная примета времени. «Дни эти - для памяти и действий», - сказано в Книге Эстер. Каждый праздник для нас - не только воспоминание, но и активное возвращение к некогда совершенному. Возвращение, обращающееся в сегодняшнее, актуальное действие. Поэтому по-еврейски мы говорим не «отмечать» праздник, а «делать» его. К какому же действию обязывает нас месяц Кислев? К изучению того, что в этот день было «выпущено на свободу», даровано людям. Самое время познакомиться с хасидизмом.. Сегодня есть немало как печатных источников такого знания на русском языке, так и ресурсов в Интернете.

Кстати, намек на переключку «бедного» праздниками Кислева и дарованием Торы можно найти в таком неожиданном источнике, как «Шулхан Арух»: рабби Йосеф Каро замечает, что первый день Хануки приходится на тот день недели, на который выпал праздник Шавуот в предыдущем году.

А шуточный комментарий (игнорирующий законы грамматики) делит слово кислев надвое: кис (карман) и лев (сердце). Правит ли сердце карманом или карман правит сердцем - вот пробный камень веры, спрятанный в слове Кислев.

р-н Александр Фейгин

תג תנוכה שמח!

ОБАЯТЕЛЬНЫЙ «КНИЖНИК». ВСПОМИНАЯ В.А.ШТЕЙНБЕРГА

В 2015 году замечательному человеку, эрудиту, талантливому библиографу и педагогу Вениамину Ароновичу Штейнбергу исполнилось бы 85 лет. Несмотря на то, что уже много лет известного карельского «книжника» нет с нами, коллеги, близкие, читатели, многочисленные его ученики с огромным теплом и любовью вспоминают друга и наставника - в сотнях судеб харизматичный и мудрый Штейнберг оставил незабываемый след.

На протяжении многих лет Вениамин Аронович самоотверженно служил книжному делу: сначала работал в библиотечном коллекторе, а затем был главным библиографом Карельской публичной библиотеки. Помимо этого, он постоянно ездил в командировки, занимался методической и общественной работой, общался с читателями, выступал с лекциями. Бывшие студенты Штейнберга сегодня работают в библиотеках во всех районах республики. Его доброе имя - навсегда вписано в историю культуры Карелии.

Мне довелось побеседовать с Таисией Павловной Самойловой, вдовой Вениамина Ароновича, вместе с которой он прожил четыре десятилетия счастливых лет. Квартира Штейнберга похожа на маленький музей: вдоль всех стен - стеллажи с аккуратно расставленными книгами. Отдельно - французская, английская и американская литература, поэзия, произведения о животных, биографии писателей, путеводители... Многие из книг - с особенной историей, памятными надписями авторов и дарителей. На всю коллекцию составлен подробный каталог. Правда, в последнее время Таисия Павловна передала часть экземпляров в дар Карельской публичной библиотеке, но дома все равно - книжное царство. Сразу понимаешь, что для хозяев квартиры именно в этом заключается главный смысл жизни.

- Таисия Павловна, как Вы познакомились с Вениамином Ароновичем?

- Оба приехали по распределению в Петрозаводск - я из Ленинграда, Вениамин - из Москвы. Преподавали в библиотечном техникуме: я - организацию фондов, каталогов, он - библиографию. В 1953 году познакомились. Штейнберг меня сразу очаровал - интересный, обаятельный человек, энциклопедические знания, феноменальная память. Очень симпатичный, добрый. В 1958 году состоялась наша свадьба, мы навсегда остались в Карелии, полюбили ее природу. Жили по-доброму, во взаимной любви. В 1961 году родился наш единственный сын Сережа. Он рос одаренным, умным и спортивным мальчиком, но, к сожалению, временно ушел в возрасте семнадцати лет. Это была страшная потеря для обоих, я думала, мы не сможем пережить такое горе. Но Вениамин меня очень поддерживал. До сих пор не могу привыкнуть, что осталась одна.

- Из какой семьи корни Штейнберга?

- Веня родился в Калининской (ныне Тверской) области, в деревне Старица в интеллигентной еврейской семье: папа Арон Моисеевич Штейнберг - инженер, мама Ида Васильевна Силкина - врач. У них был прекрасный дом, окруженный садом. Ребенком много занимались, мальчик получил прекрасное образование и воспитание.

Во время войны произошло страшное событие, изменившее судьбу мужа: на глазах у одиннадцатилетнего Вениамина немцы забрали и расстреляли родителей. Ребенок смог чудом убежать в лес, скитался и прятался там несколько дней. Нашла мальчика простая русская женщина Мария Филипповна Яковлева, крестьянка из деревни Мошноно. Рискнув собой и жизнью близких, она привела Веню к себе домой и спрятала. Благодаря ее подвигу Штейнберг уцелел.

- Эта история имела продолжение. Я знаю, что ныне имена родителей Вениамина Ароновича увековечены в Зале имен иерусалимского музея «Яд-Вашем»...

- Это правда. По рекомендации Марка Михайловича Бермана и при помощи Городской еврейской общины Петрозаводска муж обращался в «Яд-Вашем», писал туда письма, отправил воспоминания. Последний ответ из Иерусалима пришел, когда его уже не было в живых - на вопросы сотрудников музея о том, как Мария Филипповна спасла Вениамина, отвечала я.

Кстати, супруг постоянно вспоминал М.Ф.Яковлеву, неоднократно с ней встречался после войны, когда жил в Москве. Потом навещал ее, связывался, уже проживая в Петрозаводске. Спасительница Штейнберга умерла, но добрая память о ней в нашей семье хранится всю жизнь. К сожалению, ее фотографии не сохранились - пропали вместе с архивом тети Вениамина.

- Как складывалась послевоенная судьба Штейнберга?

- После освобождения Ржевского района Калининской области от немцев Веню забрал к себе в Москву двоюродный брат Борис Силкин, дальнейшее образование он получал в столице. Отлично учился в школе, был удостоен золотой медали. Рос талантливым и очень способным мальчиком. Свободно читать Вениамин умел с трех лет, а в годы ученичества это стало любимым занятием. Всю жизнь Штейнберг не расставаясь с книгами.

Выпускником мечтал поступить в Московский государственный университет, стать историком. После экзамена из аудитории вышел профессор, похвалил Веню, сказал, что такого глубокого исчерпывающего ответа на вступительные не слышал ни разу, восхитился его знаниями. Не зря же Штейнберга называли всю жизнь «ходячей энциклопедией!» Но оценка, тем не менее, была поставлена «удовлетворительно», поскольку подкачала «пятая графа», а время было непростое - 1948 год, как раз началась борьба с «космополитизмом». После этого несправедливого удара Вениамин решил поступать в Московский библиотечный институт, там прелестный чинить не стали. Он блестяще учился, стал сталинским стипендиатом, после окончания вуза по специальности «библиография» был направлен в Петрозаводск.

- По воспоминаниям коллег, Вениамин Штейнберг был настоящей «книжкой» не только на работе, но и в быту. Как это происходило?

- Чтение было его настоящей страстью: Веня не пропустил ни одной книги, следил за всеми новинками. На природе, на отдыхе он повсюду читал. Мы были подписаны на все собрания сочинений, постоянно ходили на книжные распродажи, в магазины. Муж особенно интересовался исторической литературой, мировой классикой, географическими справочниками, любил и хорошо знал поэзию.

Казалось, у него в голове был настоящий компьютер: он не только мог рассказать про любую книгу из хранилища библиотеки, но еще и по памяти точно воспроизвести, в каком разделе, в каком стеллаже и на какой полке она находится. Недаром о нем говорили, что он помнит все, называли «Эйнштейнбергом». Люди приходили в библиотеку, чтобы просто с Вениамином по-человечески пообщаться, настолько это было познавательно и интересно. На работе муж делал не только то, что входило в его прямые обязанности, но всегда стремился помочь, ответить на любой запрос, найти нужную книгу. Когда Вениамин перешел на преподавательскую работу, библиотека потеряла немало читателей.

Студенты очень ценили Штейнберга как наставника и друга, восхищались его начитанностью и обширными знаниями. Строгий, но справедливый, открытый, он всегда был рядом с ними - и в учебных классах, и в поездках «на картошку» в колхозы. Его блестящие лекции запоминались надолго. Уже после окончания учебы ребята присылали Штейнбергу поздравления, рисовали шуточные шаржи, делали благодарственные альбомы.

- А какие еще увлечения были у Вениамина Ароновича?

- Шахматы, футбол, музыка. Мы собрали большую коллекцию грампластинок - от Вивальди и Бетховена до «Модерн Токинг». Я сделала полный каталог записей, которые у нас есть. Любили слушать музыкальные произведения вместе. Постепенно удалось пристрастить Вениамина к спорту. У меня первый разряд по лыжам - я и супруга научила кататься! Конечно, получилось не сразу, но через некоторое время он стал заядлым спортсменом-лыжником. Очень любил ходить в настоящие походы - с палками, рюкзаками, проводить время на природе. Много ездил по Карелии. Муж даже совершил сложное путешествие по северным морям на лодке «Клавдия Еланская».

Несмотря на скромные зарплаты, мы никогда не сидели на месте, посетили немало замечательных уголков в нашей стране, бывали на юге, за рубежом. Вениамин интересовался архитектурой, пока другие туристы отдыхали, мы везде заходили в соборы и храмы. Он прекрасно разбирался в иконописи и старинных фресках, мог рассказать множество историй в этой связи, называл события, имена. Меня это всегда поражало - откуда такие разносторонние знания? Побывали в Германии, Чехословакии, Англии и других странах, отовсюду привозили книги.

- В зрелые годы интересовался ли Вениамин Аронович еврейской историей и культурой?

- Несомненно. Как только в Петрозаводске образовалось общество «Шалом», мы сразу стали посещать разные мероприятия, сделались постоянными участниками встреч. Вениамин много читал по этой теме, размышлял, дома была Библия. Но вслух рассуждать о религии, вере он не любил.

Дружили в Петрозаводске с замечательными людьми, особенно близко - с Софьей Лойтер и Иосифом Гином, семьей Берманов. Марк Михайлович посвятил Вениамину немало шуточных стихотворений, они любили посмеяться, а всерьез написал мне однажды после смерти мужа, что «Веня был такой же неприменной деталью Карелии, как Онежское озеро или белые ночи». Сейчас я продолжаю участвовать в еврейской жизни уже без мужа: являюсь волонтером общества «Хэсэд Агамим», общаюсь с подопечными.

Наталья Лайдина

Две жизни, две смерти Исаака Иткинда

Следующие двадцать лет были, пожалуй, самыми счастливыми в жизни Иткинда. Это не значит, что они были безоблачными. В голодные послереволюционные годы он голодал, потому что обменивал свой профессорский паек на гипс и дерево.

В 1926 году у него открылось кровохарканье, и по совету Михоэлса - великого еврейского артиста, которого впоследствии по приказу Сталина убили агенты КГБ, Иткинд уехал на юг России, на Черное море, в Симферополь. Здесь он тоже скитался без крова и перебивался временными заработками и мелкими гонорарами. Но он много работал, он сутками не выходил из своей мастерской на чердаке какого-то дома, внизу которого по прихоти судьбы находилось Симферопольское отделение ГПУ - так в те годы называлось КГБ. На этом чердаке он сделал уникальную, потрясающую зрителей своей мощью скульптурную композицию «Погром».

В 1930 году в «Красной газете» появилась огромная статья об Иткинде, журналист писал: «Я видел у скульптора фотографию «Погрома» - огромной скульптурной группы, погибшей во время пожара в его мастерской. Это в самом деле потрясающая выразительность вещь. Выставленная на площади, она могла бы силой художественного воздействия делать больше в борьбе с антисемитизмом, чем десять тысяч логических и моральных доводов против нее...»

И это была не единственная статья об Иткинде, их было много, и все они были увенчаны вот такими драматическими заголовками: «Голодный скульптор», «Почему голодает скульптор Иткинд?», «Художник, которого нужно поддержать», «Вызываю советскую общественность»...

Но даже при таких заголовках, кричащих со страниц советских газет о том, что голодает великий скульптор, - это была слава, признание.

В 1937 году в России отмечали столетие со дня гибели Александра Пушкина, убитого на дуэли. Эрмитаж объявил конкурс на лучшую скульптуру Пушкина. На выставку были представлены сотни работ.

Первую премию получили три скульптуры Иткинда - «Юный Пушкин», о которой я уже рассказывал в начале этой главы, «Александр Пушкин» - поэт в последние годы своей жизни и «Умирающий Пушкин» - простая и феноменальная работа: голова умирающего поэта на подушке. Эту работу не передать словами! Вы видите лицо человека, который уже успокоен смертью - закрыты глаза, мертвенно распрямлены морщины на лбу, и только уголки губ еще терзают жуткая боль... Боль и горечь...

- Когда я работаю, - заметил Иткинд, - я думаю: это будет мое самое лучшее. А закончу - и мне уже не нравится. Думаю: надо было сделать не так, а так. Но умирающий Пушкин - это было очень хорошо! Потому, что я его понял, я понял, как он умирал, как мучился. Я лепил его лицо и сам плакал. Я думал, что сам заболел. Жена испугалась, послала за доктором... Слушайте, я так долго живу, так долго... Я каждое утро просыпаюсь, открываю глаза и удивляюсь: неужели я еще жив? Я думаю, что должен обязательно попасть в рай - ведь там будет много обнаженной натуры и райского дерева. Мне их всегда так не хватало на земле. И будет сколько угодно свободного времени. Но вы знаете, я все равно боюсь умереть. Я прожил почти сто лет, а все равно боюсь. Знаете почему? А вдруг рядом со мной похоронят старшую лет семьдесят - и я всю вечность должен лежать с ней? А? Это сейчас у меня жена старая, только на тридцать лет младше меня, - вы же видели ее, это Соня, которая в театре вахтершей работала. Ей ничего не нужно - только деньги, деньги! Старая потому что! А тогда, до ареста, до 37-го года, у меня была молодая жена, 26 лет ей было, ой, какая красавица, ой! Журналистка! Мне было 66 лет, а ей 26, вы представляете?! Даже сорок, а не тридцать лет разницы, но это было совсем другое дело. Как она меня любила, ой как любила! Она же за мной в Сибирь поехала, в лагерь. Через проволоку хлеб мне давала... А потом умерла от тифа. Здесь, в Казахстане...

И Иткинд, только что смеявшийся над смертью, голодом, раем и адом, тихо сел на пень, старую узловатую деревянную корягу, и, казалась, слился с ней, сам стал скульптурой вечности. И только руки его - маленькие, темные, крепкие руки - почти машинально бродили по узлам и суставам этой живой для него коряги, нащупывали в ней что-то - то, что завтра оживет под его резцом для всех...

Я смотрел на его руки, и он перехватил этот взгляд.

- Жалко, что я больной и не могу работать. Я не могу не работать. Тут недавно умер один режиссер. Он раньше часто приходил ко мне, и я видел, что он скоро умрет. Потому что ему уже не давали работать. Режиссер - это очень плохая профессия. Один не может работать. А у меня очень хорошая профессия, никто не может отнять у меня работу.

Вы знаете, почему я выжил в тюрьме? Они арестовали меня, посадили в Петропавловскую крепость, в подвал, и восемь месяцев следователю КГБ бил меня каждый день, даже выбил мне барабанную перепонку в левом ухе. Все требовал, чтобы я написал, что я японский шпион и какие секреты Балтийского флота я продал в Японию.

А я не мог это написать, потому что я не умею писать по-русски. И тогда они меня снова били, и снова... Вы знаете, как я выжил? Я выжил потому, что у меня очень хорошая профессия. Они давали мне один кусочек черного хлеба в день. Утром давали

кусочек хлеба - на весь день. Но я не ел этот хлеб до ночи. Я целый день лепил из этого хлеба фигурки. Только вечером перед сном я ел этот хлеб. На завтра они меня снова били, но хлеб все-таки давали, и поэтому я мог целый день лепить и не думать о них. Помните, я о них не думал! Они меня пугали, а я не думал о страхе, я лепил. А те, кто думал о них целый день, те писали им сами на себя, признавались, что они шпионы или замыслили Сталина убить. И тогда их сразу расстреливали. А я ничего не написал, и меня отправили в Сибирь, в лагерь. Там мне было совсем хорошо - я работал на лесоповале, и вокруг было много дерева, и я мог по ночам резать по дереву и делать разные скульптуры, и снова не думать о страхе. Конечно, когда умерла моя жена, про меня все забыли, даже сын. И стало уже не так хорошо. Особенно когда отослали сюда, в Казахстан. Здесь за дерево нужно было платить...

Я слушал Иткинда и пытался представить себе тот путь, который прошел этот маленький великий старик из девятнадцатого века в двадцатый. Из еврейского гетто в Вильненской губернии, из равнино местечковой синagogи - к нелегальной жизни у московских проституток. А потом с высот славы - в каменные подвалы Петропавловской крепости, самой знаменитой русской тюрьмы, где еще в восемнадцатом веке сидели царские преступники. Восемь месяцев каменной сырой одиночке, каждый день - избивания и кусок черного хлеба на весь день. И дальше - сибирские и казахские лагеря, полное забвение всеми на 30 лет. 30 лет - это же целая жизнь!..

В том же 1967 году, когда я познакомился с Иткиндом, на Западе вышла и стала международным бестселлером книга «Папильон» - мемуары французского каторжанина Генри Чаррьера. В книге были описаны приключения и муки Папильона в каторжных тюрьмах во Французской Гвинее, его героические попытки бежать с каторги. Как и Иткинд, Папильон тоже отсидел однажды несколько месяцев в темной каменной одиночке, получая лишь кусок черного хлеба на весь день. И - как Иткинд! - он не съел этот хлеб утром, а делал его на части, чтобы продержаться на этом хлебе весь день. Конечно, он не был скульптором и не лепил из этого хлеба фигурки, у него была другая страсть, которая помогла ему выжить, - мечта о победе и мести французскому прокурору, который послал его на каторгу.

Эту книгу перевели почти на все языки мира, были проданы миллионы экземпляров этой книги в твердой и мягкой обложке, критики и читатели сравнивали Папильона с графом Монте-Кристо, и в Голливуде сделали по этой книге фильм с Энтони Куином в главной роли.

Исаак Иткинд прошел сквозь те же испытания, что и Папильон, но не в тропиках Французской Гвинее, а в сталинских тюрьмах, в сибирских и казахских лагерях. Он попал на эту каторгу не молодым здоровяком, как Папильон, а 66-летним. Выжить и победить КГБ ему помогли не мечты о победе и мести, а его призвание. Практически, все эти 30 лет он так и был в побеге от них - от следователей, от палачей, от страха, от сталинского террора. Он бежал от них к куску хлеба, из которого мог лепить, к коряге и пню, из которых он создавал скульптуры, живя даже под землей, как крот...

Он был свободен - от социализма, тоталитаризма, сталинизма. И теперь он рассказывал мне об этом так просто и буднично, как мог бы, наверно, сыграть только Энтони Куин, если бы он знал о существовании Исаака Иткинда...

- А теперь в Алма-Ате мне снова стало совсем хорошо жить, - сказал мне Иткинд, - у меня теперь очень много дерева - вы видите?

Мы сидели с ним в его «мастерской» - в холодном бомбоубежище, Иткинд был в валенках и телогрейке, но я видел, что он и вправду доволен тем, что у него есть, - так любовно смотрел он на деревянные колоды, пни и коряги, которые лежали вокруг нас на полу его мастерской и там, на улице, под снегом, - лежали, ожидая его рук и резца.

- Да, мне здесь очень хорошо. У меня много дерева и много работы придумано. Ко мне приходит молодежь, смотрят, как я работаю. И ко мне приходят евреи из синagogи, и я диктую им на идиш свою книгу. Книгу о смысле жизни. Ведь в жизни во всем есть смысл. Например, когда у женщины рождается ребенок, у нее появляется молоко, правда? Ни раньше, ни позже. Все в природе имеет свой смысл и все правильно придумано. И мне нужно работать. Человеку нужно работать, делать свое дело - в лагере, в тюрьме, все равно. Тогда он живет - это тоже природой придумано. Или - Богом... Да, я сейчас много думаю о природе и о Боге, еврейском Боге, от которого я бежал семьдесят лет назад...

Исаак Иткинд, знаменитый скульптор, чьи работы стоят в лучших музеях мира, а также в музеях Семипалатинска, Павлодара, Целинограда, Алма-Аты и лежат в подвалах ленинградского Русского музея, Эрмитажа и московского Пушкинского музея, стал после своего девяностолетия членом Союза советских художников и получил звание «Заслуженный деятель искусств Казахской Советской Социалистической Республики». Он умер в Алма-Ате 14 февраля 1969 года, в возрасте 98 лет. Я надеюсь, что старые евреи Алма-Атинской синagogи сохранили продиктованную Иткиндом перед смертью книгу о смысле жизни.

P.S. Недавно, в марте 2011-го, в Москве я встретился с Аркадием Наумовичем Иткиндом, профессором экономики и внуком Исаака Иткинда. Мы сидели в «Пирамиде» на Тверской, пили зеленый чай, говорили о его великом деде и о том, что надо бы сделать фильм - полнометражный документальный фильм о великом скульпторе XX века Исааке Иткинде, фильм, который должны увидеть не только в России, но и во всех цивилизованных странах. И еще нужно выпустить из запасников его работы, собрать их в одну передвижную выставку и повезти по миру. И тогда, я уверен, у Исаака Иткинда появится третья жизнь, вечная...

Эдуард Тополь, Москва, 2011
Окончание. Начало в N 208

В Санкт-Петербурге состоялась встреча руководителей еврейских общин Северо-Запада России с Председателем Исполнительного Комитета Еврейского агентства для Израиля (Сохнут) Натаном Щаранским. (Натан Щаранский - легендарная личность. В середине 70-х годов он был одним из инициаторов создания Московской группы по контролю за соблюдением Хельсинкских соглашений в области прав человека (так называемой Хельсинкской группы), помощником и переводчиком академика Андрея Сахарова, активно участвовал в еврейском движении в СССР. За это советские власти «наградили» его 13 годами лишения свободы. Примерно половину девятилетнего срока, который он отсидел во Владимирской и Чистопольской тюрьмах и в колонии строгого режима в Пермской области, Щаранский провел в одиночной камере и более 400 дней - в штрафном изоляторе. Был обменен на шпионов «социалистического лагеря»). Автор книг «Не боюсь зла», «В защиту демократии», «ID: Identity и ее решающая роль в защите идемократии»). Во встрече, которая прошла в атмосфере непринужденного общения, свойственного еврейской традиции, и в то же время, по-деловому, приняли участие: Роман Полонский, Глава отдела по работе с русскоязычным еврейством в мире; Даниэль Аарон, Глава представительства Сохнут в Санкт-Петербурге; Светлана Вульфвич, координатор отдела образования петербургского Сохнута. Стоял вопрос - как организовать

еврейскую жизнь в России в современных условиях. Представители общин высказали свое видение этого процесса, исходя из конкретных условий в регионах, Натан Щаранский поделился своими предложениями. Дмитрий Цвибель подарил Щаранскому фотографию, сделанную им во время предыдущей встречи в Иерусалиме в 1991 году, и попросил подписать книгу «Не боюсь зла» для петрозаводской общины.

Исполнилось 10 лет регистрации Региональной еврейской национально-культурной автономии Республики Карелия. На вечер, посвященном Дню национального единства, Глава Петрозаводского городского округа Галина Ширшина вручила Благодарственное письмо РЕНКА, где сказано: «В этот день примите слова искренней благодарности за многолетнюю общественную деятельность, за большой вклад в укрепление межнациональной дружбы и сотрудничества народов, проживающих в городе Петрозаводске». Министерство Респу-

ХЭСЭД АГАМИМ

ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

САМОЙЛОВУ Таисию Павловну
КАНТОРОВИЧ Наталью Борисовну
ТИХОНОВУ Елену Георгиевну
МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Латкес из мацы

1,5 листа мацы, 3 яйца, 1 чл. соли, 4 стл. растопленного жира, 1,3 ст. муки из мацы, жир для жарки

Размочите мацу в холодной воде, воду слейте, а мацу разотрите в кашу. Сбейте яйца вместе с солью, добавьте все остальные продукты, перемешайте, разогрейте на сковороде жир и жарьте в нем латкес. Выкладывайте тесто столовой ложкой, жарьте с двух сторон, пока не подрумянятся.

Латкес творожные

2 яйца, 1/2 чл. соли, 2 стл. сахара, 2 ст. отжатого творога, 1 ст. просеянной муки, жир для жарки

Отделите яичные белки от желтков, желтки разотрите с солью и сахаром, добавьте творог и муку, хорошо перемешайте. Сбейте белки в пену, добавьте к творожной массе и осторожно перемешайте. Налейте в сковороду масло, чтобы оно покрывало дно полусантиметровым слоем, хорошо разогрейте и выкладывайте тесто на сковороду столовой ложкой. Жарьте с обеих сторон, пока не подрумянятся. Подавайте горячими со сметаной.

Латкес картофельные

2 яйца, 3 ст. тертого отжатого картофеля, 4 стл. тертого лука, 1 чл. перца, 2 стл. муки из мацы (или муки), жир для жарки

Сбейте яйца и смешайте их с остальными продуктами. Разогрейте в сковороде масло и выкладывайте тесто на нее столовой ложкой. Жарьте латкес с обеих сторон, пока не подрумянятся. Подавайте горячими с маслом или сметаной. Тертый лук можно заменить тертым яблоком. В этом случае не добавляйте перец. Можно приготовить латкес совсем без лука и без яблок. Если нет мацовой муки, ее можно заменить обычной мукой.

Приятного аппетита!

блики Карелия по вопросам национальной политики наградила Почетной грамотой Председателя РЕНКА Дмитрия Цвибеля. В концерте, прошедшем в переполненном зале кинотеатра «Калевала», приняли участие несколько национальных ансамблей, в том числе ансамбли общины «Авив» и детский ансамбль «Дрейдл» под руководством Натальи Гуль.

В фойе были развернуты выставки различных национальных объединений, продемонстрировавшие традиционно добрососедские межнациональные взаимоотношения в Карелии. Наша община приняла активное участие еще в одном проекте, осуществленном при поддержке Министерства по делам национальной политики Карелии - «Арт шатер» так назвали организаторы этот праздник национальных культур, состоявшийся на базе комплекса «Лотос Плаза», в котором приняли участие более 30 некоммерческих организаций и около 5000 человек. В залах разместились стендовые выставки общественных объединений и национально-культурных автономий, состоялись мастер-классы по народному ремеслу, презентация национальных кухонь разных народов, выступления национальных творческих коллективов, ярмарка народных промыслов. На стенде РЕНКА была устроена выставка с еврейской атрибутикой, показы презентации, рассказы, рассказывающие о истории общины Петрозаводска, видеовые фильмы о Израиле.

**ЕСЛИ УРОНИШЬ ЗОЛОТО И КНИГУ,
ПОДНИМИ СПЕРВА КНИГУ**

Пословица

Еврейская община имеет честь поздравить с Девяностопятилетием

ГЕНДЕЛЕВА ДАВИДА ЗАХАРОВИЧА

пожелать здоровья, бодрости

И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Чаша кухни

Блюда на Хануку

Пончики (суфганийет)

1 столовая ложка сухих дрожжей, 4 столовых ложки сахара, 3/4 стакана теплого молока или воды, 2 1/2 стакана муки, щепотка соли, 1 чайная ложка корицы, 2 яйца, 2 столовых ложки топленого сливочного масла или маргарина, абрикосовое или клубничное варенье, растительное масло для жарки, сахарная пудра

Смешать дрожжи, 2 столовые ложки сахара и молоко (воду). Поставить в теплое место на 10-15 мин., чтобы дрожжи поднялись. Отделить желтки от белков. Просеять муку и смешать ее с оставшимся сахаром, солью, корицей, желтками и дрожжевой смесью. Месить тесто до тех пор, чтобы из него можно было слепить шар. Сливочное масло (маргарин) растопить и добавить в тесто. Помесить еще немного, чтобы масло полностью растворилось в тесте. Накрывать полотенцем и поставить на ночь в холодильник.

Раскатать тесто толщиной 1/2 см. С помощью стакана (5 см диаметром) вырезать из теста 24 кружка. Положить по 1/2 чайной ложки варенья в центр 12-ти кружков. Накрывать 12 кружков с вареньем 12-ю оставшимися. Слепить по краям. Смазать белком яйца. Поставить в теплое место на 30 минут. Разогреть в кастрюле или фритюре растительное масло. Масло должно быть кипящим и его должно быть столько, чтобы пончики в нем свободно плавали. Положить пончики в горячее масло на 5 минут. Подождать пока они подрумянятся с двух сторон (при необходимости перевернуть). Промокнуть готовые пончики бумажными салфетками. Посыпать сахарной пудрой.